

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРА-
ТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЬ САТИРЫ И ЮМОРА

V-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

САТИРИКОНЪ

V-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

Всѣ годовые подписчики получать 52 большихъ номера, иллюстрированныхъ многокрасочными рисунками и карриатурами и отпечатанныхъ на роскошной плотной бумагѣ (по специальному заказу—только для подписчиковъ). НѢКОТОРЫЕ НОМЕРА БУДУТЪ ПЕЧАТАТЬСЯ ВЪ ДЕВЯТЬ КРАСОКЪ. Кроме того, всѣ годовые подписчики получаютъ двѣ бесплатныхъ преміи:

1. СОКРОВИЩА ИСКУССТВЪ (въ пародіяхъ).

Большой роскошный альбомъ рисунковъ и шаржей на самыя извѣстныя міровыя произведенія искусства. — Всѣ рисунки въ нѣсколько красокъ—работы извѣстныхъ русскихъ каррикатуристовъ и художниковъ. (Подробный списокъ участниковъ этого предпріятія — будетъ объявленъ особо).

2. Одинъ томъ „СПУТНИКЪ ТЕАТРАЛА“.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ САТИРИКОНА.

(Искусство писанія пьесъ. Проведеніе ихъ на сцену. Устройство театра. Сцена. Актеры. Гримъ. Публика. Какъ держать себя въ театрѣ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой: На одинъ годъ 6 руб., на полъ года 3 руб., на четверть года 1 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяць 50 коп., Безъ доставки: На одинъ годъ 5 руб. 20 к., на полъ года 2 р. 60 к., на четверть года 1 руб. 30., на одинъ мѣсяць 45 коп., За границу: На одинъ годъ 9 руб., на полъ года 4 руб. 50 коп., на четверть года 2 руб. 25 коп., на одинъ мѣсяць 75 коп.,

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1-му іюля 1 руб. 50 к. и къ 1-му октября 1 руб. 50 коп. — Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 10 коп., на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ провинціи 12 к.

Адресъ Гл. Конторы: Спб., Фонтанка, 80. Тел 514-27.

Редакціи: Литейный пр., 57. Тел. 171-91.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

V 22
558

17

Императоръ Александръ I
и Императрица Елизавета Алексѣевна.

БИБЛИОТЕКА ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА

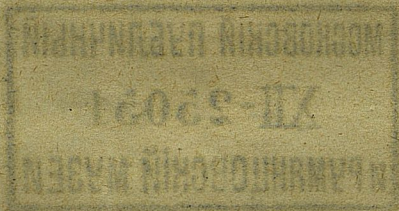
АЛЕКСАНДРА I.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-25051
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГО-ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОСТРОВЪ“.

1912.

ТИПОГРАФІЯ В. Л. БАНЬЯНИНЪ И КОМП.
МОСКВА, ЗАЦѢЛА Б. СТРОЧЕНОВСКІЙ 5.

РАЗСКАЗЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Въ концѣ 1824 года разнесся слухъ, что государь предполагаетъ быть въ городахъ Симбирскѣ и Оренбургѣ и по пути неминуемо будетъ проѣзжать черезъ Алексѣевское. Слухъ этотъ очень обрадовалъ жителей, которые никогда не видали царя.

Наконецъ, получено было извѣстіе, что государь скоро прибудетъ въ Самару и, проѣздомъ, остановится для обѣда въ Алексѣевскомъ, гдѣ для него и свиты велѣно приготовить домъ станичнаго атамана, В. В. Михайлова. Весь народъ, за десятки верстъ кругомъ, толпами началъ сходить въ Алексѣевское. Ночью, наканунѣ пріѣзда государя, пріѣхала часть царской прислуги, а на другой день, съ ранняго утра, стали являться гонцы съ извѣстіемъ о приближеніи его величества.

Дорога къ станицѣ шла съ горы. Часа въ два дня показалось нѣсколько экипажей, двигавшихся довольно тихо. Народъ заколыхался; зазвонили во всѣ колокола. Но первая коляска ока-

залась пустой. Правившій ею царскій кучеръ Илья, сказалъ, чтобы подождали звонить, такъ какъ государь идетъ пѣшкомъ. Случилось это такъ. Проезжая мимо села Смышляева, государь спросилъ:

— Это Алексѣевское?

— Ему отвѣчали, что нѣтъ; но онъ, все-таки, приказалъ остановиться и, не видя совсѣмъ народа, спросилъ:

— Гдѣ же люди?

— Ему отвѣчали, что ушли для встрѣчи его въ Алексѣевское.

— А далеко же до Алексѣевского?

— Ему доложили, что дорогой верстъ семь, а прямо черезъ гору версты три. Государь приказалъ экипажамъ ѣхать дорогой, а самъ съ нѣсколькими лицами изъ свиты пошелъ пѣшкомъ черезъ гору.

Подойдя къ Алексѣевскому и завернувъ въ первую улицу, гдѣ также не было народа, государь остановился у дома казачки Парамоновой, поднялъ оконце и увидѣлъ, что старуха печетъ блины.

— Бабушка! да гдѣ же у васъ люди? спросилъ онъ.

— Пошли всѣ, батюшка, царя встрѣчать.

— А ты что же не пошла?

— Куда мнѣ старухѣ. Да вотъ и внучатамъ нужно готовить ѣсть.

— А видала ли ты царя?

— Нѣтъ, батюшка.

— Ну, такъ, смотри, — сказалъ государь и съ этими словами захлопнулъ оконце.

— Свѣтъ ты нашъ, батюшка! Хоть блинковъ-то откушалъ! — закричала старуха и выбѣжала на улицу, но государь уже направился къ площади и подошелъ къ народу. Замѣтивъ молодую, красивую дѣвочку, лѣтъ 14-ти, онъ спросилъ:

— Какого сословія?

— Казачьяго.

— Гдѣ отецъ?

— На службѣ, въ командировкѣ.

Во время царскаго обѣда, всѣмъ желающимъ было разрѣшено входить въ комнату и смотрѣть на царя, но только не на долго.

«ВЫ ВСПЫЛЬЧИВЫ, А Я УПРЯМЪ».

Во время Эрфуртскаго свиданія между Александромъ и Наполеономъ завелъ споръ о Австріи. Споръ длился нѣсколько дней. Александръ упрямо отстаивалъ права Австріи. Наполеонъ горячился и доказывалъ необходимость принятія суровыхъ мѣръ противъ послѣдней. Краснорѣчіе, хитрость, ласки и настойчивость Наполеона разбивались о невозмутимую упрямость Александра.

Раздраженный Наполеонъ, выйдя изъ себя, однажды сказалъ своему посланнику въ Петербургъ.

— Вашъ императоръ Александръ упрямъ. Прикидывается глухимъ, когда не хочетъ чего-нибудь слышать.

Исчерпавъ всё свои доводы, Наполеонъ прибѣгъ къ жалобамъ и упрекамъ. А когда и это не помогало, онъ прибѣгъ къ послѣдному средству, къ вспыльчивости. Произошла бурная сцена.

Въ одинъ прекрасный день, когда опять возгорѣлся споръ, Наполеонъ, въ порывѣ яростнаго нетерпѣнія, бросилъ на полъ свою шляпу, и началъ топтать ее ногами. Александръ тотчасъ же остановился и пристально, съ улыбкой посмотрѣлъ на него. Посмотрѣвъ немного, онъ сказалъ спокойно:

— Вы вспыльчивы, а я упрямъ. Гнѣвомъ отъ меня ничего не добьешься. Поговоримъ, обсудимъ — иначе я ухожу.

И онъ направился къ двери.

Наполеону также оставалось стихнуть и удержать его.

СКРЫТНОСТЬ И ЧЕСТНОСТЬ ДИПЛОМАТА.

Уже готовясь къ войнѣ, Наполеонъ старался увѣрить Александра, что кромѣ мира онъ ничего не желаетъ. Конечно въ Петербургѣ уже мало вѣрили этому.

Наконецъ французскій посланникъ Коленкуръ получилъ отъ Наполеона депешу для сообщенія ея русскому правительству. Въ депешѣ сообща-

лось, что «французское правительство никогда не было такъ склонно къ миру, какъ въ настоящее время, и что армія не будетъ усилена».

Получивъ депешу Коленкуръ тотчасъ отправился къ Александру.

Александръ спокойно выслушалъ всё увѣренія Коленкура въ миролюбій французовъ и сказалъ:

— Это противно всёмъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ, господинъ герцогъ, но ежели вы скажете мнѣ, что вѣрите этому, то и я измѣню свое убѣжденіе.

Коленкуръ всталъ, взявъ свою шляпу, поклонился государю и ушелъ, ни сказавъ ни слова.

АЛЕКСАНДРЪ И СТАРУШКА.

Государь уважалъ наше священство; любилъ наши сельскіе храмы, неоднократно посѣщалъ ихъ; онъ отдыхалъ въ нихъ душою, забывалъ на время мірскія тревоги и дѣла, заботы, сопряженныя съ властію, — всё эти тернія вѣнца. Однажды, государь во время прогулки отдѣлившись отъ своей свиты, вошелъ въ уединенно стоявшую маленькую церковь, въ которой въ то время отправлялъ службу молодой викарій. Замѣтя какого-то молодого военного, молившагося съ полнымъ благоговѣніемъ, викарій рѣшился поднести къ нему дискосъ и самого его поцѣло-

вать въ лобъ, уже немного обнаженный отъ волосъ и очень надушенный; военный, въ свою очередь, поцѣловаль ему руку. Только впоследствии викарій узналъ, что то былъ самъ государь. Выходя по окончаніи службы изъ церкви, государь увидѣлъ какъ какая-то престарѣлая женщина готовилась влѣзть въ свой скромный, плохой рыдванъ, Государь спросилъ ее, куда она ѣдетъ?

— Въ Волкомірѣ.

— Я также туда ѣду; не удобно ли вамъ сѣсть ко мнѣ въ экипажъ, тогда вы приѣдете скорѣе.

Добрая старушка не заставила себя дважды просить, весело влѣзла въ коляску и помѣстилась рядомъ съ государемъ. Завязался разговоръ о дѣлахъ старушки, которая жаловалась, что у нея давно тянется процессъ стоящій ей очень дорого, и никто не можетъ помочь ей ускорить движеніе ея дѣла.

— Отчего же вы не подадите просьбу Виленскому генераль-губернатору?

— Конечно, онъ человѣкъ честный, да у него секретарь ни одного дѣла не сдѣлаетъ даромъ, а я не въ состояніи дать ему взятку.

— Такъ позвольте мнѣ вашу просьбу, я берусь устроить дѣло, сказалъ государь.

— Да она со мною въ моемъ мѣшкѣ, отвѣчала старушка, глядя съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ

Императоръ Александръ I.

на молодаго незнакомца, такъ увѣренно говорившаго объ успѣхѣ своего ходатайства.

— Давайте, давайте, повторилъ государь, я беру все на себя.

И онъ положилъ прошеніе въ карманъ.

И какъ все на свѣтѣ имѣеть конецъ, такъ и онѣ окончили свой путь и въѣхали въ Вилкомиръ.

Каково же было изумленіе бѣдной женщины, когда она увидала, что ихъ встрѣтили съ почетомъ генералы и адъютанты въ блестящихъ мундирахъ, и когда въ лицахъ этихъ особъ она замѣтила удивленіе при видѣ ея подлѣ государя.

Ч А Ш К А Ч А Ю.

Однажды государь отправился пѣшкомъ на станціонный дворъ, вошелъ одинъ въ домъ смотрителя и засталъ, что тамъ все прибрано, и какая-то молодая дѣвушка играетъ на фортепіано; государь попросилъ ее продолжать игру, а затѣмъ очень учтиво просилъ дать ему чашку чаю.

Дѣвушка однако оказалась болѣе хороша собою, чѣмъ гостепріимна; она отвѣтила отказомъ, ссылаясь на то, что все приготовленное въ домѣ ожидаетъ съ минуты на минуту прибытія государя. И государь, чтобы скрыть свое инкогнито, долженъ былъ ждать появленія своей свиты. Можно себѣ вообразить смущеніе молодой дѣвушки, когда она узнала въ чемъ дѣло.

ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Разъ случилось, что одинъ помѣщикъ, большой весельчакъ и добрейшій человекъ, сталъ угощать государя пивомъ, принявъ его за простаго гвардейскаго офицера, да еще не скрылъ отъ незнакомца, что онъ ему очень понравился.

— Ахъ, зачѣмъ ваши товарищи не походятъ на васъ, говорилъ помѣщикъ; всѣ они какіе-то холодные, надменные, взыскательные.

И онъ болталъ, болталъ—сколько силъ хватало. Наконецъ, государь сталъ прощаться съ этимъ добрякомъ, который вздумалъ при этомъ освѣдомиться о его имени. Его величество, улыбаясь сказалъ:

— Меня зовутъ — честный человекъ.

Въ восторгѣ отъ этой шутки, помѣщикъ беретъ государя за голову, цѣлуетъ его нѣжно въ обѣ щеки и говорить:

— Такъ желаю вамъ, дорогой мой честный человекъ, хорошаго пути, Богъ съ вами!

ПРІѢЗДЪ ГОСУДАРЯ ВЪ МОСКВУ ВЪ 1812 Г.

(изъ записокъ С. Н. Глинки).

Вѣсть о прибытіи государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сходились и вездѣ сговаривались идти и спѣшить навстрѣчу государя. Лица гражданъ и жителей сіяли весе-

ліемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Тотъ пиръ былъ пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: «Мы закидаемъ шапками, мы постоимъ за себя!» Довѣренность безмятежная обладала умами. Никакое слово ненависти и негодованія противъ враговъ не исторгалось изъ устъ. Всѣ мысли, всѣ слова слились въ одно чувство любви.

Въ обширныхъ московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣняясь крестомъ, добрые граждане говорили: «Пойдемъ въ храмы Господніи; помолимся за царя-государя, а оттуда за заставу!»

Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ:

— Куда идешь?

И общій отвѣтъ:

— На встрѣчу государя за заставу.

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Дорогомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто бы смолвясь душами и мыслию, воскликнули:

Не уступимъ! Мы впереди; мы скорѣе по-

спѣемъ, мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ».

Начинало смеркаться. Пѣсни и «ура» не смолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ:

— Скоро ли будетъ государь?

Наконецъ, около десяти часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и графъ Ростопчинъ.

Юля двѣнадцатаго съ первымъ мельканіемъ зари утренней народъ волнами кипящими стекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли, матери съ грудными младенцами — все шло, все спиило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго дня лѣтняго. Въ девять часовъ утра явился на Красномъ крыльцѣ Александръ Первый, явился, какъ ангелъ Божій, подъ осѣнѣніемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Съ звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ:

— Ура! Да здравствуетъ царь-государь! Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, нашъ отецъ! Умремъ или побѣдимъ!

Такъ восклицало душевное ополченіе русскаго народа, и Александръ Первый однимъ мановеніемъ руки своей могъ бы двинуть съ Красной площади сотни тысячъ подъ знамена ратныя. Въ сердцѣ царства русскаго, въ стѣнахъ Москвы

іюля двѣнадцатаго императоръ Александръ убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи.

На ступеняхъ крыльца государь часъ отъ часу болѣе стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ:

— Не троньте, не троньте ихъ! Я пройду! И онъ прошелъ сквозь ряды сердець, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ собора Успенскаго гремяли отклики:

— Отець нашъ! Ангелъ нашъ! Да хранить тебя Богъ!

Звонъ колокольный продолжался, и когда государь сходилъ съ крыльца, народъ цѣловалъ его одежду и раздавались восклицанія: «Отець нашъ! Ангелъ нашъ! Да сохранить тебя Богъ!..»

Въ дивный 1812 годъ миръ и война шли рядомъ.

СКРОМНОСТЬ ГОСУДАРЯ.

Три союзныхъ государя вступили въ Парижъ. Тогда представился Александру новый случай выказать все челоуѣколюбіе великодушнаго побѣдителя. Вотъ слова его, сказанныя депутатамъ Парижа:

— Мы воюемъ не противъ Франціи, но противъ того, кто, назвавшись нашимъ другомъ, нашимъ союзникомъ, напалъ на наши владѣнія и, разоривъ ихъ, оставилъ повсюду слѣды, ко-

торые изгладить только время. Я люблю французовъ, между ними одинъ мнѣ врагъ Наполеонъ. Парижъ можетъ надѣяться на мою защиту. За зло я плачу добромъ. Франція нуждается въ правительствѣ, которое упрочило бы миръ ей и Европѣ.

Кто то изъ депутатовъ сказалъ Александру:
— Государь, мы уже давно ожидаемъ васъ.
Государь отвѣчалъ:
— Виною тому храбрость французовъ.

КУСОЧЕКЪ ЛЕНТЫ.

Александръ питалъ презрѣніе ко всѣмъ почетнымъ отличіямъ, но въ этомъ онъ заблуждался, потому что этими лентами и крестами привязываютъ къ себѣ и награждаютъ государственныхъ и военныхъ людей. Александръ пожаловалъ князю Волконскому какую-то ленту, голубую или красную. Тотъ былъ такъ радъ, что императоръ пришелъ въ совершенное удивленіе.

— Любезный Волконскій, можно ли до такой степени радоваться какому-нибудь кусочку ленты!

— Государь, отвѣчалъ князь, я радуюсь тому почету, который съ нимъ связанъ, и оказанъ мнѣ вами.

АЛЕКСАНДРЪ И НАПОЛЕОНЪ.

Извѣстіе о занятіи французами Москвы впервые достигло Петербурга чрезъ какого-то помѣщика. Ему, однакоже, не повѣрили. Многимъ это дѣло казалось невозможнымъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, 7 сентября, императоръ Александръ получилъ отъ графа Растопчина донесеніе о томъ, что Кутузовъ рѣшился оставить Москву.

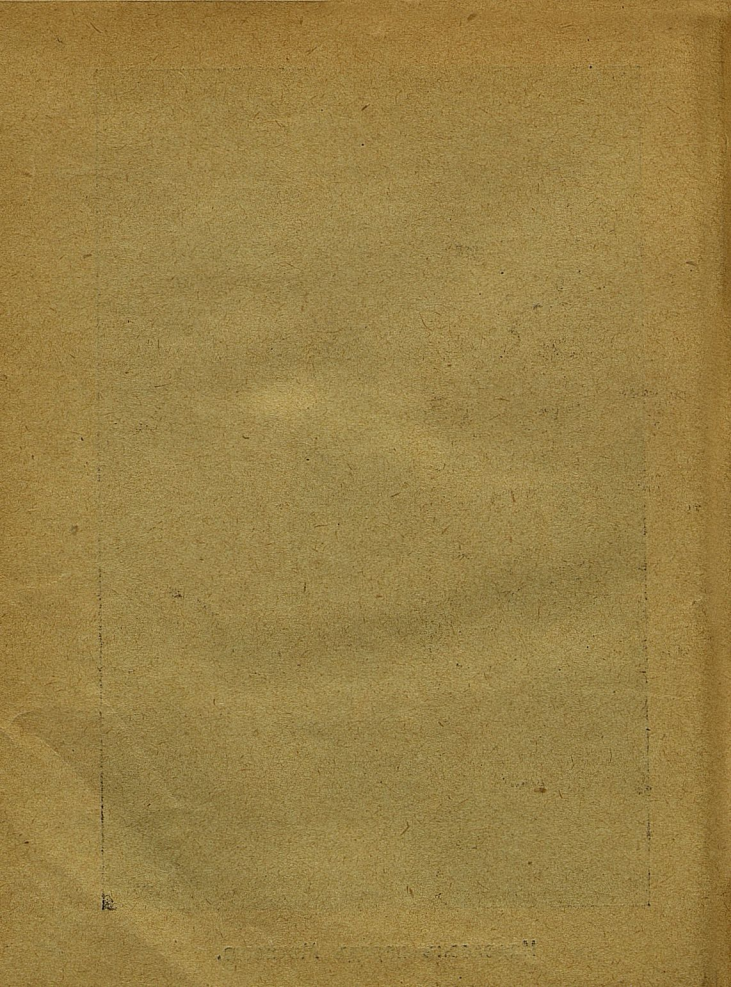
Растопчинъ писалъ: «Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей имперіи! Россія содрогнется, узнавъ объ отступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ.

Получивъ это донесеніе, государь потребовалъ къ себѣ генераль-адъютанта князя П. М. Волконскаго, и приказалъ ему тотчасъ же ѣхать въ дѣйствующую армію, ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и донести ему немедленно о своихъ наблюденіяхъ. Онъ вручилъ ему письмо на имя Кутузова.

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ? — писалъ императоръ. — Съ 29 августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1 сентября получилъ Я чрезъ Ярославль отъ мо-

Наполеонъ передъ Москвою.

сковскаго главнокомандующаго печальное извѣстіе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствию произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ Мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генераль-адъютанта Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости».

На другой день, 8 сентября, роковая вѣсть о занятіи Наполеономъ первопрестольной столицы подтвердилась донесеніемъ самого фельдмаршала отъ 4 сентября. Это донесеніе привезъ государю полковникъ Мишо. Кутузовъ писалъ слѣдующее:

«Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26 числа августа, сраженія долженъ былъ я оставить позицію при Бородинѣ по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастье донести Вашему Императорскому Величеству. Послѣ сраженія того армія была весьма ослаблена. Въ такомъ положеніи приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недалекомъ разстояніи не представлялось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностію принять непріятелиа.

«Войска, съ которыми мы надѣялись соединиться, не могли еще прійти. Непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской и другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы: а потому не

могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую гибель и превращеніе въ пепель самой Москвы.

«Въ такомъ крайне сумнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ я рѣшиться допустить непріятеля войти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналь и всѣ почти имущества какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и ни одинъ почти житель въ ней не остался. Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести вамъ, всемилостивѣйшій государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи».

«Теперь, въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы собравъ свои войска, твердо ногою могу ожидать непріятеля, и пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и подвижна извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочемъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше согласится изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерю Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войска, въ которомъ я оное засталъ. Полковникъ Мишо объяснить Вашему Императорскому Величеству обстоятельнѣе положеніе дѣлъ».

Печальное извѣстіе, привезенное полковникомъ

Мишо, не поколебало, рѣшимости Александра продолжать войну, и оно только усилило эту рѣшимость. Александръ теперь рѣшительно отказался даже отъ всякихъ переговоровъ съ Наполеономъ.

«Потеря Москвы, — писалъ Государь шведскому наслѣдному принцу 19 сентября, — даетъ мнѣ случай предоставить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателей. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Нынѣ болѣе нежели когда-либо я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели примириться съ Аттилою новѣйшихъ временъ».

Между тѣмъ Наполеономъ овладѣло желаніе мира. Онъ нѣсколько разъ пытался писалъ Александру, искалъ лицъ, которыя бы могли пройти къ Александру.

Въ Москвѣ онъ разыскалъ нѣкоего Яковлева и послалъ его къ Александру со слѣдующимъ письмомъ.

«Узнавъ, что братъ посланника Вашего Императорскаго Величества при Кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я поручилъ ему отправиться къ Вашему Величеству, для изъясненія Вамъ моихъ чувствованій. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Растопчинъ сжегъ ее; 400 человекъ схвачены въ то время, когда они зажигали городъ. Всѣ они показали, что дѣйствовали

по приказанію губернатора и начальника полиціи. Виновные разстрѣляны. Кажется, пожаръ уже прекращается. Три четверти домовъ сгорѣли, остается четвертая доля. Поступокъ ужасный и не имѣющій цѣли! Для того ли зажгли городъ, чтобы лишить насъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, куда огонь не коснулся. Стоило ли для достиженія столь мало-важной цѣли истреблять одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ мірѣ, сооруженный вѣками? Точно также поступаютъ отъ самого Смоленска, отъ чего шестьсотъ тысячъ семействъ доведены до нищеты. Пожарныя трубы московскія изломаны или вывезены изъ города; часть оружія, находившагося въ арсеналѣ, была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выгонять ихъ изъ Кремля выстрѣлами. Человѣчество, выгоды Вашего Величества и сего обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, покинутую русскою арміею. Необходимо было оставить въ ней власти, чиновниковъ и гражданскую стражу. Такъ поступали въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ, такъ поступили и мы въ Миланѣ, когда входилъ туда Суворовъ.

«Пожаръ подалъ солдатамъ право грабить: они присваиваютъ себѣ то, что не сгорѣло. Я не писалъ бы къ Вашему Величеству, еслибы предполагалъ, что все это совершается по повеленію Вашему. Я считаю невозможнымъ, чтобы съ Вашими правилами, Вашимъ сердцемъ и свѣт-

лымъ образомъ мыслей, Вы допустили такія неистовства, недостойныя великато Монарха и великаго народа».

«Когда увозили изъ Москвы пожарныя трубы, оставили въ ней 150 полевыхъ орудій, 70.000 новыхъ ружей, 1.600.000 патроновъ, великое множество пороха, селитры, сѣры и прочаго. Безъ озлобленія веду я войну съ Вашимъ Величествомъ. Если бы прежде послѣдняго сраженія, или вскорѣ послѣ него, Вы написали мнѣ записку, Я остановилъ бы армію, и охотно пожертвовалъ бы вступить въ Москву. Если Ваше Величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія, то благосклонно прочтите мое письмо. Во всякомъ случаѣ Вы мнѣ будете благодарны, что я извѣстилъ Ваше Величество о происходящемъ въ Москвѣ».

Это было послѣднее письмо Наполеона къ Александру. Александръ I ничего не отвѣтилъ. Онъ призрительно молчалъ. И только своему союзнику Шведскому принцу онъ писалъ по поводу этого письма:

«Наполеонъ искалъ въ Москвѣ кого-нибудь для доставленія ко мнѣ письма. Наконецъ захватилъ онъ отставнаго гвардейскаго офицера Яковлева, который, сопровождая стараго больного дядю своего, хотѣлъ уѣхать во внутреннія губерніи и нечаянно былъ застигнутъ непріателемъ. Я велѣлъ показать письмо графу Левентельму. Онъ прочиталъ его, и о содержаніи донесетъ Ва-

пему Высочеству. Впрочемъ письмо заключаетъ въ себѣ только пустое хвастовство.

Наконецъ, выведенный изъ себя, Наполеонъ призываетъ начальника Воспитательнаго дома Тутолмина. Онъ долго говоритъ ему о неистовствахъ русскихъ, все сжигающихъ на своемъ пути; доказываетъ, что Москву сожгли сами русскіе; что войну такъ вести нельзя и заключеніе валитъ обо всемъ донести Александру. Тутолмина пропустили черезъ всѣ аванпосты. И Наполеонъ сталъ ждать отвѣта. Но его не было.

Наполеонъ послалъ своего адъютанта Лористона къ Кутузову для переговоровъ о мирѣ.

Кутузовъ принялъ посла, выслушалъ и заявилъ, что о мирѣ не можетъ быть и рѣчи съ его стороны, но что онъ обо всемъ донесетъ государю.

И посылая въ Петербургъ князя Волконскаго, Кутузовъ доносилъ:

«Лористонъ просилъ меня испросить у Вашего Императорскаго Величества согласія прибыть ему по этому предмету въ Петербургъ. Въ ожиданіи отвѣта, онъ предложилъ перемиріе въ которомъ я ему отказалъ. Онъ съ нетерпѣніемъ рассчитывалъ время, когда на мое донесеніе отвѣтъ придти можетъ. Я обѣщалъ исполнить его требованіе, т.-е., донести о семъ желаніи Наполеона Вашему Императорскому Величеству».

Въ отвѣтъ на это донесеніе Кутузовъ получилъ отъ Государя суровый рескриптъ.

«Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился Я о бывшемъ свиданіи съ французскимъ генераль-адъютантомъ Лористономъ. При самомъ отправленіи вашимъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ Моихъ съ вами объясненій извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе Мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ. Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою же рѣшимостью повторить вамъ: дабы сіе принятое Мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо. Равнымъ образомъ съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ Я, что генераль Беннигсенъ имѣлъ свиданіе съ королемъ Неаполитанскимъ, и еще безъ всякой къ тому побудительной причины. Поставя ему на видъ сей несовмѣстный поступокъ, требую отъ васъ дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы никогда не имѣли никакихъ свиданій, а коими паче подобныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, стараясь всемѣрно оныхъ избѣгать. Всѣ свѣдѣнія, отъ Меня къ вамъ доходящія и всѣ предначертанія Мои въ указахъ на имя ваше изъясняемая, однимъ словомъ, все убѣждаетъ васъ въ твердой Моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ Меня прервать брань, и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное Отечество.

У Ж И Н Ъ.

(изъ воспом. графин. шуазель-гуфье.).

Однажды Государь, по дорогѣ въ Вильну, остановился у графини Шуазель-Гуфье и сдѣсь ужиналъ.

Ужинъ былъ поданъ. Государь предложилъ руку хозяйкѣ дома, и всѣ направилась въ обширную столовую, великолѣпно освѣщенную, со столомъ, убраннымъ цвѣтами, и проч., и проч. Государь ни подъ какимъ видомъ не желалъ занять почетное мѣсто и съ чарующею живостію началъ все перемѣщать, говоря:

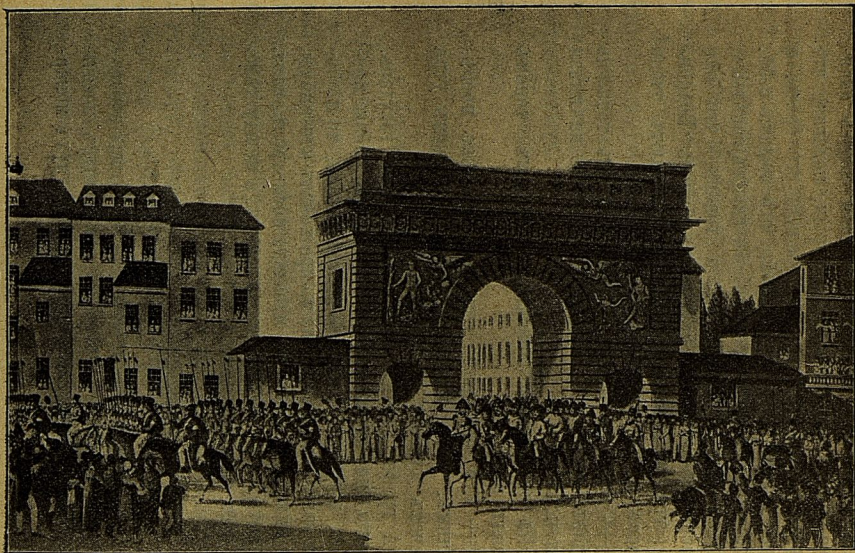
— Позвольте мнѣ быть простымъ смертнымъ, я только тогда и счастливъ.

— Для вашего величества это кажется отдыхомъ, сказала генеральша Морикони.

Доротея весьма вѣрно замѣтила князю Волконскому, который сидѣлъ между ею и мною, что то мѣсто и будетъ почетно, куда сядетъ государь.

Государь былъ обожаемъ всѣми, кто его окружалъ, и всѣ восхищались, когда слышали похвалы своему августѣйшему повелителю. Говоря о веснѣ съ графомъ Толстымъ, я сказала, что нынѣшнимъ годомъ она запоздала, что удивительно, такъ какъ присутствіе государя должно бы кажется принести намъ прекрасные дни. И эта глупость привела въ восторгъ милого князя.

Когда подали первое блюдо государю, онъ

Въѣздъ Императора Александра I въ Парижъ.

сдѣлалъ знакъ, чтобъ его подали двумъ сидящимъ возлѣ него дамамъ, которыя, полагая, что государь совсѣмъ отказался, начали его брать, и когда взяли, государь велѣлъ его подать себѣ. Затѣмъ онъ занялся угощеніемъ своихъ сосѣдокъ, наливая имъ венгерскаго, и говоря, что они четверо, то-есть, его величество, князь Волконскій, графъ Толстой и Вилле ужинаютъ очень усердно.

— Вотъ это исправный ѣдокъ; онъ точно не обѣдалъ, сказалъ государь, указывая на князя Волконскаго.

На это князь довольно мрачнымъ тономъ сказалъ мнѣ:

— Его величество считаетъ человѣка пообѣдавшимъ, если онъ съѣлъ въ 11 часовъ утра кусочекъ курицы и одно яйцо.

А графъ Толстой прибавилъ: — да, государь, никогда не приказываетъ брать съ собою провизію, и когда изволить проголодаться, то я обязанъ заходить во всѣ дома и спрашивать что-нибудь изъ пищи. А теперь — извольте посмотрѣть, самъ говорить, что никогда не ужинаетъ, а между тѣмъ кушаетъ за четверыхъ.

СѢВЕРНЫЕ ВАРВАРЫ.

Какъ только Людовику XVIII былъ возвращенъ престолъ его предковъ, Александръ посѣтилъ въ Компаньенъ, гдѣ свиданіе двухъ монар-

ховъ было и трогательно и сердечно. По просьбѣ французскаго короля, Александръ даровалъ свободу сто пятидесяти тысячамъ французскихъ плѣнниковъ, находившимся въ Россіи.

— Все равно, сказалъ онъ Людовику XVIII, — подь чьимъ знаменемъ они сражались; они несчастны, я не могу не считать ихъ своими дѣтьми.

Людовикъ XVIII въѣхалъ въ Парижъ. За обѣдомъ въ Тюльери, предложеннымъ государямъ Священнаго союза, Людовикъ пошелъ первый къ столу. Александръ смѣясь сказалъ кому-то изъ приближенныхъ:

— Мы сѣверные варвары болѣе вѣжливы у себя дома.

КАКЪ АНГЛИЧАНИНЪ.

(изъ воспом. гр. Ш.-Гуфье).

Во время пребыванія государя въ Варшавѣ было много баловъ, обѣдовъ, смотровъ, и я должна была присутствовать на нихъ, не смотря на нелюбовь мою къ праздникамъ и развлеченіямъ, оставлявшимъ какую то пустоту въ моей душѣ.

На одномъ балѣ, когда я вальсировала съ однимъ знакомымъ англичаниномъ, г. Вэнвортъ де-Бьюмонтъ, императоръ, провальсировавъ съ красавицей Замойской, подошелъ ко мнѣ сказать, что я сотворила чудо, заставивъ Вэнворта вальсировать въ тактъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ни одинъ англичанинъ не

вальсировала еще въ тактъ. Такъ какъ государь пригласилъ меня на нѣсколько туровъ, я сказала, что онъ хочетъ вѣрно удостовѣриться. Его величество отвѣтилъ, что хочетъ также хорошо провальсировать, какъ англичанинъ, и послѣ двухъ туровъ спросилъ меня, такъ-ли онъ танцуетъ. Я отвѣчала, что Венвортъ будетъ польщенъ такимъ сравненіемъ. Его величество утверждалъ, что нѣтъ большой заслуги хорошо вальсировать со мною. Дѣло въ томъ, что императоръ вальсировалъ дѣйствительно хорошо, и говорили, что онъ особенно охотно танцуетъ съ г-жею Замойской и со мною, потому что обѣ мы были большого роста и стройны.

«М Ы—Л Ы С Ы Е».

Никто не умѣлъ лучше императора вносить въ разговоръ столько очарованія, столько легкости, изгонявшей всякое стѣсненіе и холодный этикетъ. Мы сидѣли вокругъ небольшого круглаго стола, на которомъ лежали разныя брошюры, модныя картинки, карриктуры; послѣднія вызывали его смѣхъ; на одной изъ нихъ былъ представленъ щеголь въ видѣ гусеницы; по этому поводу онъ сказалъ:

— Мы лысые — чтобы не дѣлали, а лобъ все у насъ открытый.

НАПОЛЕОНЪ ОБЪ АЛЕКСАНДРЪ.

(изъ воспом. гр. Ш.-Гуффе).

Только что мы усѣлись, я рассказала все, что происходило во время представленій и пребыванія Наполеона. Это понравилось императору, заставившему меня два раза повторить то, что сказалъ о немъ Наполеонъ; его величество не могъ скрыть улыбки, когда я сказала слова Наполеона: «Императоръ Александръ весьма любезенъ, онъ всѣхъ заполонилъ собою; хорошія ли вы польки?».

Какъ извѣстно, Александръ не отличался тонкостью слуха, почему я должна была возвысить голосъ и считала это немного смѣлымъ... Г-жа Таафенъ шепнула мнѣ: «Говорите громче, вы сказали ему много пріятнаго, чего онъ не слышалъ».

Императоръ желалъ знать, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Наполеонъ. Я сказала, что наружность его не отвѣчала тому, что я думала о его геніальности. Александръ вынесъ о немъ то же впечатлѣніе; я же прибавила, что присутствіе его величества внушаетъ мнѣ больше страха.

— О, сказалъ Александръ тономъ нѣжнаго упрека, неужели я внушаю вамъ это чувство?

— Да, государь, я боюсь не понравиться вамъ.

— А замѣтили ли вы, сказалъ потомъ Александръ, свѣтло-сѣрые глаза Наполеона? его пронизательный взглядъ невозможно выдержать.

РАЗГОВОРЪ СЪ АЛЕКСАНДРОМЪ.

(изъ воспом. гр. Ш.-Гуффе).

Разъ я была глубоко тронута. Одинъ молодой испанецъ далъ мнѣ письмо къ своей женѣ, сказавъ при томъ, что это — прощаніе умирающаго. Я обѣщала передать его. Я щипала корпю, правда, для приличія, потому что раненыхъ не было, были только мертвые! Государь сказалъ, что ему хотѣлось бы быть раненымъ, чтобы пользоваться ею. Разговоръ принялъ серьезный оборотъ. Императоръ говорилъ какъ истинный мудрецъ, что инаго не желаетъ, какъ счастья человѣчества. Казалось, онъ только и мечталъ, что о восстановленіи на землѣ золотого вѣка; прелестная мечта для государя! Ему хотѣлось, чтобы всѣ любили другъ друга какъ братья, помогая обоюдно въ нуждахъ, и чтобы свободная торговля составляла основу общественнаго союза. Я позволила себѣ сказать, что если бы люди буйеально слѣдовали ученію Евангелія, столь мягкому, естественному и всѣмъ доступному, то не нужно было бы другихъ законовъ для управленія народами. Императоръ сожалѣлъ о несчастіи монарха, которому часто не сочувствуютъ въ его филан-

тропическихъ взглядахъ эгоисты, пренебрегающіе благомъ государства и заботящіеся только о собственномъ обогащеніи.

— Мнѣ иногда хочется, говорилъ онъ, сложить съ себя власть, и еслибъ я могъ приличнымъ образомъ перемѣнить свое положеніе, я охотно сдѣлалъ бы это, потому что мнѣ очень трудно, да и нѣтъ у меня призванія къ тому, чтобы править государствомъ.

Какъ удивительны были эти слова государя, восторжествовавшаго надъ самымъ ужаснымъ своимъ противникомъ, побѣдителемъ Европы. Ангельская душа! Какія прекрасныя и благородныя чувства выказалъ онъ своею любовью къ миру, своимъ презрѣніемъ къ роскоши, честолюбію, царедворцамъ, каммергерамъ, каммеръ-юнкерамъ, которыхъ называлъ придворными полотерами! Онъ негодовалъ, что Наполеонъ заставлялъ своихъ главныхъ сановниковъ прислуживать ему, что онъ унижилъ званіе посла, заставивъ Коленкура слѣдовать за нимъ верхомъ. Къ счастью, нынче стали понимать, что придворный чинъ не мѣшаетъ человѣку нести болѣе полезную для государства службу. — «На что мнѣ всѣ эти господа, развѣ мой каммердинеръ не лучше служить мнѣ»!

ЦАРСКІЙ КУЧЕРЪ ИЛЪЯ.

Императоръ ѣхалъ однажды въ Петербургъ въ дрожкахъ въ одну лошадь, которою правилъ

Илья. Онъ повезъ его въ отдаленную улицу, грязную и съ плохими домами.

— Зачѣмъ ты повезъ меня сюда, спрашиваетъ Александръ.

— А вотъ я послѣ скажу.

Подѣхавъ къ одной лачугѣ, Илья остановился.

— Государь, сказалъ онъ, вотъ гдѣ живетъ вдова моего прежняго барина, который уступилъ меня вашему величеству.

Императоръ ничего не сказалъ, но возвратясь во дворецъ, далъ Ильѣ сумму для его прежней госпожи и бумагу о назначеніи ей пенсіи.

По смерти Александра, Илья везъ тѣло своего обожаемаго господина изъ Таганрога въ Петербургъ, и несмотря на жестокой холодъ и свои преклонные года, ночью ложился подъ колесницу, на которой везъ драгоценныя останки.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ОСТРОВЪ“

МОСКВА, ЗАЦѢПА, Б. СТРОЧЕНОВСКІЙ 5. — Телеф. 327-88.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ поступили въ продажу новыя изданія Кн-ва „Островъ“:

1. БОРОДИНСКАЯ БИТВА. 64 стр. убористаго текста и многочисл. иллюстр. цѣна 10к.

2. ПОЖАРЪ МОСКВЫ. печат. на плотн. бум. и имѣеть 64 стр. обильно иллюстр. цѣна 10к.

Печатаются и въ скоромъ времени поступятъ въ продажу:

1. ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

2. ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ ОТЪ ПОЛЯКОВЪ.

3. СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

4. ДѢЯТЕЛИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

и рядъ другихъ.

Каждая брошюра имѣеть 64 стр. плотной бумаги и иллюстр. многоч. художеств. исполнен. рисун. ц. 10 к.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ ВИДОВЪ МОСКВЫ.

„ЮБИЛЕЙНАЯ МОСКВА“

КЪ ЮБИЛЕЮ 1812 ГОДА.

На 144 стран. дорогой мѣловой бумаги помѣщено 66 видовъ Москвы и снимковъ съ картинъ извѣст. художниковъ.

Цѣна 2 руб.

ПРОСПЕКТЫ АЛЬБОМА ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Съ требованіями обращаться въ Кн-во „Островъ“ Москва, Зацѣпа, Б. Строченовскій 5. соб. тип.

„БИБЛІОТЕКА 12^{-ГО} ГОДА.“

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

- Вып. 1. НАПОЛЕОНЪ (Разказы изъ жизни Наполеона).
„ 2. НАПОЛЕОНЪ (Разказы изъ жизни Наполеона).
„ 3. 1812-й ГОДЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.
„ 4. ОТСТУПЛЕНІЕ ИЗЪ МОСКВЫ.
„ 5. СМОЛЕНСКЪ. КАРРЭ НЕЯ.
„ 6. ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
„ 7. АЛЕКСАНДРЪ I. (Разказы изъ жизни Александра I.)

Готовятся къ печати:

- Вып. 8. АНЕКДОТЫ О НАПОЛЕОНЪ.

Каждый выпускъ обильно иллюстрированъ изящными рисунками на мѣловой бумагѣ и имѣеть обложку ОСОБАГО цвѣта.

Цѣна каждаго выпуска 6 коп. На станціяхъ жел. дор. 8 коп.

ЕДИНСТВЕННЫМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМЪ ДЛЯ СѢВ.-ЗАПАД. КРАЯ
(Губ.: Виленская, Ковенская, Гродненская, Витебская, Минская,
Могилевская и Сувалкская).

на Библіотеку 12-го года состоитъ

Книжный складъ „ТРУДЪ“ О. Мерлиса и М. Гольдберга
Вильна, Большая ул., 72.

Цѣна 6 коп.

НАПОЛЕОНЪ НА БИВУАКАХЪ.

БИБЛІОТСКА

12ГО

ГОДА.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ

Библиотека

101

Исторический музей
Москва

101

У 22 / 558
БИБЛИОТЕКА ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

НАПОЛЕОНЪ
НА БИВУАКАХЪ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХЦ-25051
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

МОСКВА.
ИЗДАНИЕ КНИГО-ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОСТРОВЪ“.
1912.

ТИПОГРАФІЯ В. Л. БАНЬЯНИНЪ И КОМП.
МОСКВА, ЗАЦѢПА В. СТРОЧЕНОВСКІЙ 5.

ДЕРЕВЯННЫЙ КАПИТАНЪ.

Однажды Наполеонъ дѣлалъ смотръ одному изъ полковъ.

— Кто командуетъ этой ротой? — спросилъ онъ вдругъ, остановившись передъ фронтомъ волтижеровъ.

— Я, ваше величество, отвѣчалъ одинъ офицеръ, выходя изъ рядовъ.

— Развѣ вы капитанъ?

— Нѣтъ, ваше величество, но я изъ того дерева, изъ которыхъ ихъ дѣлаютъ; — сказалъ офицеръ, надѣясь чрезъ удачный отвѣтъ получить чинъ капитана.

— Хорошо; когда я буду дѣлать деревянныхъ капитановъ, я вспомню и объ васъ.

ЛЮБИТЕЛЬ КАРТОФЕЛЯ.

Пятаго іюля 1809 г., наканунѣ Ваграмской битвы, Наполеонъ, противъ своего обыкновенія, не спалъ. Адъютанты стояли передъ нимъ, и полами своихъ плащей закрывали отъ глазъ его

бивуачные огни; но, или онъ прозябъ, или сильно былъ занятъ событіями, которыя должны были совершиться на слѣдующій день, только онъ хотѣлъ все видѣть своими глазами, и въ своемъ сѣромъ сюртукѣ, пошелъ осматривать бивуаки гвардіи вокругъ императорской квартиры. Онъ отправился одинъ, въ часъ по полуночи, въ темную, дождливую ночь.

Подойдя къ одному бивуаку, гдѣ всѣ лжи спали вокругъ полу-потухшаго огня, онъ увидѣлъ, что въ золѣ пекутся картофели; ему вздумалось съѣсть одну и онъ принялся доставать ее, разгребая горячіе уголья концомъ своей шпаги. Въ эту самую минуту одинъ изъ спавшихъ солдатъ, открылъ глаза и, замѣтивъ, что кто-то похищаетъ часть его ужина, закричалъ ему грубо, однако-жъ, не трогаясь съ мѣста:

— Эй, ты, безцеремонный, не изволь трогать нашего картофеля; убирайся ужинать куда-нибудь подальше.

— Любезный камадъ, отвѣчалъ Наполеонъ, прикрывая лицо свое воротникомъ сюртука: мнѣ ужасно ѣсть хочется; позволь мнѣ взять одну картофелинку.

— Ну, одна-то куда не шла; пожалуй, хоть и пару, если ты проголодался; да только попроворнѣй, и налѣво кругомъ: маршь-маршь.

Наполеонъ не торопился; солдатъ повторилъ свою команду, прибавивъ:— Не заставь меня сказать въ третій разъ, а не то я вѣдь отдѣлаю

по свойски; я шутить не люблю, да, и теперь не въ духѣ.

Наполеонъ все продолжалъ разрывать шпагою уголья. Солдатъ, вышелъ изъ терпѣнія, вскочилъ, бросился на мародера и схватилъ его за воротъ... тутъ только узналъ онъ Императора.

Никакими словами невозможно изобразить изумленіе, ужасъ, горестъ, которыя овладѣли въ эту минуту старымъ служивымъ. Онъ упалъ къ ногамъ Императора и, обнимая его колѣна, вскричалъ:

— Ваше величество... я злодѣй, разбойникъ, преступникъ... Прикажите разстрѣлять меня: я этого стою.

— Не кричи, сказалъ Наполеонъ, зажимая ему ротъ рукою: товарищей разбудишь, а имъ нужно отдохнуть.

— Нѣтъ, государь, нѣтъ, пусть всѣ знаютъ, что я преступникъ, что я поднялъ руку на васъ и заслужилъ смерть.

— Вставай, говорятъ тебѣ. Я на тебя не сержусь; я самъ виноватъ, поупрамялся. Мнѣ бы не должно трогать вашъ картофель.

— О, ваше величество, что это вы говорите!.. Кушайте, кушайте на здоровье; вотъ эту, она хорошо испеклась... или нѣтъ, вотъ эту... Эта побольше... О, я проклятый!.. Ваше величество, кушайте... возьмите сколько угодно... возьмите всѣ...

И солдатъ, виѣ себя, подавалъ ему картофе

лины, одну за другою, выгребая ихъ руками изъ горячихъ угольевъ.

— Да ты себѣ руки обожжешь, сумасшедшій, говорилъ Наполеонъ, стараясь поднять его. Не нужно мнѣ твоего картофеля, мнѣ уже не хочется ѣсть.

— О, ваше величество, посмотрите, какъ эта подрумянилась... Скушайте хоть одну на здоровье... О, я разбойникъ!.. Простите, меня, простите, ваше величество!..

Онъ схватилъ полу сюртука Императора и покрывалъ ее поцѣлуями. Чтобы кончить эту сцену, которая могла бы быть пагубна для солдата, если-бъ кто посторонній ее видѣлъ, Наполеонъ сказалъ ему съ нетерпѣніемъ:

— Да перестань-же, говорить тебѣ: пусти меня; не то я разсержусь!

И вырвавъ у него свою полу, онъ прибавилъ въ полголоса:

— Я на тебя не сержусь, я прощаю тебя; не бойся: тебѣ ничего не будетъ. Только смотри, не болтай объ этомъ, сказалъ онъ положивъ палецъ на губы.

И онъ воротился въ свою главную квартиру. Шестого іюля, въ три часа утра, Наполеонъ былъ уже на конѣ и обозрѣвалъ мѣстность передъ центромъ своей арміи.

— Надобно хорошенько осмотрѣть нашу шахматную доску, сказалъ онъ своей свитѣ.

Въ четыре часа, въ прекраснѣйшую погоду,

лѣсь штыковъ сверкалъ на солнцѣ въ обширной равнинѣ Ваграмской; передъ нимъ стояла огромная артиллерія. Таковы были приготовленія къ этой знаменитой битвѣ, въ которой, по выраженію генерала Дюпа, цѣлая колонна австрійская исчезла съ поля сраженія, такъ, что послѣ никто и не зналъ что съ нею случилось. Эта обширная, цвѣтущая равнина къ вечеру была залита кровью, покрыта трупами, которые валялись между обгорѣлыми жилищами.

Кровопролитіе было такое, что еще десятого числа, то есть на четвертый день послѣ сраженія въ высокомъ хлѣбѣ находили изуродованныхъ солдатъ, которые, собирая послѣднія силы, кричали: да здравствуетъ Императоръ! Наполеонъ подвергнулся опасности съ дерзкою неустрашимостью солдата. Въ самомъ пылу битвы, когда изъ пушекъ стрѣляли какъ изъ ружей, при батальномъ огнѣ, генералъ Вальтеръ, командовавшій гвардейскими конными гренадерами, закричалъ Императору:

— Ваше величество, говорятъ вамъ, что вамъ здѣсь нечего дѣлать. Уѣзжайте отсюда, а не то я велю гренадерамъ схватить васъ и засажу до вечера въ полковую фуру.

— Отъ него станется, сказалъ Наполеонъ князю Невштательскому, поворачивая свою лошадь.

На другой день, послѣ сраженія, Наполеонъ вышелъ, въ четыре часа утра, изъ своей палат-

ки, которая поставлена была на самомъ полѣ битвы. Онъ прохаживался по бивуакамъ своей главной квартиры, совершенно одинъ, и противъ своего обыкновенія, безъ шляпы.

Императоръ по пріятельски разговаривалъ со своими гвардейскими солдатами; на лицѣ его сіяло удовольствіе. Часовъ въ шесть, онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ обзрѣвать поле сраженія. Время приближалось къ жатвѣ; хлѣбъ былъ очень высокъ, и людей, лежащихъ тамъ, было не видно, такъ что многіе изъ несчастныхъ раненыхъ, которыхъ наканунѣ не замѣтили, воткнули ружья свои штыкомъ въ землю, привязавъ къ прикладу платокъ.

Наполеонъ подѣзжалъ къ каждому изъ этихъ сигналовъ, разговаривалъ съ ранеными и не воротился въ палатку до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не убрали. Онъ разослалъ всю свою свиту и приказалъ оберъ-гофмаршалу наблюдать за устройствомъ госпиталей. Наполеонъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ стояли дивизіи Макдоналда и Мармона. Земля была тутъ совершенно изрыта ядрами и видно было какія ужасныя потери потерпѣли Австрійцы. На пространствѣ какой-нибудь квадратной лье не было ни мѣстечка, не покрытаго мертвыми или ранеными. Повсюду лежали груды труповъ; остальное все было усѣяно картечами, какъ градомъ послѣ сильной бури.

Вдругъ кто-то вскричалъ: — Да здравствуетъ Императоръ! Наполеонъ оглянулся и увидѣлъ въ

Послѣ битвы.

нѣсколькихъ шагахъ отъ себя въ небольшой
рытвинѣ одного канонера шестого артиллерійскаго
полка. У бѣдняка были оторваны обѣ ноги; онъ
подошелъ къ этому солдату и ласково сказалъ
ему:

— Не имѣешь - ли ты еще чегонибудь ска-
зать мнѣ?

— Покуда нѣтъ, ваше величество; развѣ
только то, что я одинъ обкарналъ четыре пушки
у этихъ проклятыхъ Кейзерлинговъ; и теперь съ
радости забываю, что и они меня порядкомъ ис-
калѣчили.

Наполеонъ съ чувствомъ пожалъ руку кано-
нера и сказалъ:

— Если ты поправишься, то я тебя помѣщу
въ Инвалидный домъ или дамъ тебѣ пенсію.

— Покорно благодарю, ваше величество; до
Инвалиднаго-то дома мнѣ ужъ не добратся: они
слишкомъ неосторожно пустили мнѣ кровь. Да и
пенсію-то мнѣ получать недолго: я ужъ вижу,
что скоро придется въ послѣдній разъ смѣниться
съ часовъ; такъ это ужъ я на прощаньи кричу:

— Да здравствуетъ Императоръ!

Нѣсколько подалѣе Императоръ увидѣлъ мо-
лодаго карабинернаго сержанта, который былъ
еще живъ, хотя ему картечью раздробило голову;
но отъ жара и пыли кровь тотчасъ спеклась,
воздухъ не имѣлъ никакого доступа къ мозгу
и потому этотъ молодой человекъ могъ еще

остаться въ живыхъ, не смотря на свою ужасную рану.

Наполеонъ соскочилъ съ лошади, пощупалъ у него пульсъ, очистилъ ему платкомъ ноздри, которые были наполнены землею и налилъ ему нѣсколько капель водки на губы. Раненый открылъ глаза; сначала, казалось, не понималъ ничего; потомъ устремилъ безжизненные свои взоры на Императора и узналъ его. Глаза его наполнились слезами, и онъ произнесъ нѣсколько прерывистыхъ словъ.

— О, ваше величество, сказалъ онъ, усиливаясь схватить одну изъ рукъ Наполеона который поддерживалъ ему голову: такъ хорошо умирать; но поторопитесь: другіе ждуть, а со мной ужъ расчетъ конченъ.

Этотъ храбрый карабинеръ умеръ на рукахъ Императора.

Наполеонъ, не говоря ни слова, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ назадъ къ войскамъ, которые тронулись уже съ мѣста, чтобы преслѣдовать неприятеля; но едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ солдата, который шелъ къ нему.

На этомъ человѣкѣ былъ странный костюмъ: голова у него была окутана ветошками, которые походили на чалму гвардейскихъ мамелюковъ; на плечахъ богато вышитый долманъ, принадлежавшій, вѣроятно, какому нибудь австрійскому офицеру; на ногахъ широкіе бѣлые брюки, завязывавшіяся

надъ щеколдою: это были походные брюки гвардейскихъ гренадеровъ.

— Это что за маскарадъ?—сказалъ Наполеонъ, нахмуривъ брови и остановивъ лошадь, когда солдатъ приблизился къ нему.

— Вотъ я и очень къ услугамъ вашего величества! вскричалъ солдатъ.

— Ага,—сказалъ Наполеонъ, догадываясь по этимъ словамъ, что не смотря на странный костюмъ это долженъ быть одинъ изъ его любимыхъ служаекъ. Какъ тебя зовутъ?

— Неужто вы меня не помните ваше величество?

— Какъ-же мнѣ узнать тебя въ такомъ нарядѣ!

— И то правда. Это шутники лекаря принарядили меня вчера вечеромъ, а голову завязали веревками, чтобы не растерялись кусочки; мнѣ было велѣно идти въ лазаретъ, да я думалъ что полезительнѣе посмотрѣть на васъ. И въ самомъ дѣлѣ, я теперь покрѣпче сталъ.

— Очень радъ; но все же я еще не знаю кто ты.

— А помните картофель-то, ваше величество, сказалъ солдатъ въ полголоса и приблизившись къ Императору. Это я... третьяго дня...

— Ага,—это ты? сказалъ поспѣшно Императоръ, чтобы тотъ не разболталъ: ты раненъ въ голову?

— Плевое дѣло, ваше величество, три сабельныхъ удара по башкѣ. А впрочемъ не будь у меня хвоста на шапкѣ, такъ проклятый Кейзерлингъ совсѣмъ бы отсѣлъ мнѣ голову. Я ужъ думалъ, что придется самому подбирать ее. Нужды нѣтъ; я стоилъ и не этого!

— Будь спокоенъ, это пройдетъ; не большой отдыхъ да нѣсколько компрессовъ съ канфарной водкой...

— Лекаръ мнѣ и говорилъ, что надобно канфарной водки; за то ужъ я и попилъ ее со вчерашняго вечера!

Наполеонъ невольно засмѣялся, услышавъ какимъ образомъ солдатъ употреблялъ это лекарство; потомъ онъ сказалъ ласково:

— Я знаю, что всѣ вы, вели себя какъ нельзя лучше. Чего ты хочешь?.. Денегъ?

— Денегъ?.. Фи, ваше величество! У меня артельныя деньги всѣ цѣлешеньки и къ вашимъ услугамъ, если прикажете...

— Такъ ты хочешь, чтобы тебя произвели?

— Э, ваше величество, гдѣ ужъ намъ! Я слишкомъ старъ. Я уже закисъ, тринадцать лѣтъ въ шевронахъ. Мнѣ бы не того хотѣлось... Вотъ изволите видѣть... правду сказать...

И какъ старый гренадеръ изъ скромности не рѣшался высказать чего ему хочется, то Наполеонъ, чтобы ободрить его, сказалъ:

— Да ну же, говори скорѣе; мнѣ некогда; меня ждуть.

— А вот изволите видѣть... игрушечку-то, ваше величество сказалъ старый солдатъ, какъ будто облегчивъ грудь этииъ признаніемъ.

— А, понимаю... ты однако-жъ разборчивъ... Да заслужилъ-ли ты его?

При этомъ вопросѣ старый гренадеръ гордо поднималъ голову и устремивъ на Наполеона сверкающіе глаза, сказалъ съ важнымъ видомъ и растягивая слова:

— Заслужилъ-ли я?.. Экъ выдумали, ваше величество! Вотъ ужъ пять сраженій я дѣлаю все, что только можно, чтобы меня убили... да не убиваютъ, чортъ ихъ возьми! Былъ при Аустерлицѣ, Іенѣ, Эйлау, Фридландѣ, да и вчера таки повозился съ этими Ландсманами, что въ шапкахъ въ родѣ сахарной головы и съ длинными саблями... Заслужилъ-ли я!..

— Ну, ну, хорошо, сказалъ Наполеонъ, чтобы прекратить этотъ разговоръ: если такъ, то, конечно заслужилъ. На, возьми, но ступай сейчасъ въ лазаретъ и лечись порядочно.

Говоря это, Наполеонъ снялъ съ себя крестъ и подалъ солдату.

Тотъ упалъ на оба колѣна; принявъ изъ рукъ Императора орденъ, прижималъ его то къ сердцу, то къ губамъ, и въ избыткѣ радости и признательности, не могъ выговорить ни слова.

Наполеонъ, привыкшій къ подобнымъ сценамъ, воспользовался этою минутою и уѣхалъ; только, удалившись шаговъ на двадцать, онъ по-

вернулъ голову и увидалъ, что гренадеръ все еще стоитъ на колѣнахъ, протянувъ къ нему обѣ руки. Императоръ сдѣлалъ ему дружескій знакъ рукою, какъ будто говоря:

— Прощай, мы еще увидимся.

Солдатъ наконецъ поднялся, снова разцѣловалъ крестъ, которому такъ радовался, и потомъ сказалъ мрачнымъ голосомъ человѣка, котораго терзаетъ раскаяніе:

— А я не хотѣлъ ему дать картофеля!

НАПОЛЕОНЪ СРЕДИ СОЛДАТЪ.

Въ одно утро, дѣлая передъ парадомъ, смотрѣ второму баталіону гвардейскихъ пѣшихъ егерей, бывшему въ тотъ день въ караулѣ, онъ остановился передъ однимъ солдатомъ, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и сказалъ съ упрямомъ:

— Ромефъ, почему не вижу я на тебѣ креста, который я далъ тебѣ въ Булони!

Наполеонъ зналъ по имени почти всѣхъ солдатъ старой гвардіи.

— Императоръ!—отвѣчаетъ егеръ,—крестъ у меня на кожѣ. Цесарецъ расхватилъ его пониже груди начетверо. Вы знаете, это было подъ Эслингеномъ, гдѣ съ васъ свалилась шляпа наземъ; я берегу лоскуточки ея и покажу ихъ вамъ.

Въ слѣдъ за этимъ Ромефъ вынимаетъ изъ-подъ мундира небольшой пакетъ и подаетъ его Императору.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Наполеонъ, развернувъ этотъ пакетъ, я помѣняюсь съ тобою: согласенъ ли ты?

Солдатъ наморщился и не отвѣчалъ ни слова. Наполеонъ продолжалъ:

— Я предлагаю тебѣ мой крестъ за обломки твоего?

Егеръ все еще молчитъ.

— Развѣ эта перемѣна тебѣ не нравится?.. Да отвѣчай же!

— Я согласенъ помѣняться съ вами, Императоръ, отвѣчаетъ наконецъ егеръ нерѣшительно, если вы этого желаете; только прошу васъ не потерять обломочковъ моего креста.

— Ну, ужъ если тебѣ такъ дорогъ твой крестъ, оставь его у себя, да и мой возьми въ придачу. Такимъ молодцамъ, какъ ты, можно дать и два креста.

Императоръ потеревилъ его за усы и удалился, сказавъ офицерамъ своего главнаго штаба:

— Ромефъ мой старинный пріятель, господа; послѣ перваго нашего свиданія прошло много лѣтъ; только онъ щекотливъ немножко.

Трудно изобразить магическое дѣйствіе, которое производили подобныя слова Императора. Солдаты никогда не забывали ихъ, и тотъ, о которомъ можно было сказать, что «съ нимъ говорилъ Императоръ», пользовался неслыханнымъ уваженіемъ въ своей ротѣ.

Наполеонъ въ битвѣ.

сценѣ. Этимъ онъ также доказалъ какъ глубоко онъ усвоилъ себѣ отклоненіе французскаго характера отъ природы и истины. Перейдя затѣмъ къ вопросу о службѣ, онъ сказалъ разочарованнымъ тономъ:

— Вы принадлежите къ мрачной эпохѣ. Какъ вы понимаете судьбу? Политика и есть судьба!

Затѣмъ онъ еще говорилъ о разныхъ предметахъ. Потомъ онъ быстро подошелъ къ Гете вплотную и сталъ его разспрашивать объ его семьѣ, объ его отношеніяхъ ко двору. Получаемые имъ отвѣты онъ объяснялъ по своему.

Потомъ онъ опять сталъ говорить о драмѣ и сказалъ:

— Трагедія должна быть школою для королей и народовъ и это есть самое высшее, чего могутъ достигнуть поэты. Такъ и на пр. они должны писать о смерти Цезаря въ болѣе серьезномъ тонѣ, чѣмъ это сдѣлалъ Вольтеръ. Это и будетъ лучшею задачею ихъ жизни. Нужно показать всему міру, какъ былъ счастливъ Цезарь, если ему осталось время для выполненія своихъ задуманныхъ плановъ. Отправляйтесь въ Парижъ— я требую этого настоятельно. Тамъ царитъ удивительное міросозерцаніе! Вы тамъ найдете обильный матерьялъ для поэзіи.

Когда Гете уходилъ, Наполеонъ сказалъ съ многозначительною миною Бертье:

Вотъ одна встрѣча!

ОНЪ НЕ ЛЮБИТЪ НЕНУЖНЫХЪ ГЕРОЙСТВЪ.

Сраженіе при Эберсдорфѣ было такъ сказать предвѣріе побѣдъ, которыя должны было за этимъ послѣдовать. Утромъ послѣ того Наполеонъ вступилъ въ этотъ городъ, который оставившіеся его Австрійцы предали пламени. Генераль Тегорнъ начальствовалъ въ корпусѣ Массейны бригадою легкой пѣхоты, состоявшей изъ природныхъ Корсиканцевъ. Это былъ расточительный, странный субъектъ, любящій выше всего игру и веселую жизнь, но въ то-же время отличавшійся сверхчеловѣческой храбростью. Онъ стойко выдерживалъ во главѣ своей бригады рядъ повторныхъ атакъ Австрійцевъ на занятый имъ пунктъ. Когда онъ съ ними наконецъ справился и овладѣлъ Эберсдорфомъ, онъ быстро прошелъ черезъ мостъ среди огня двѣнадцати непріятельскихъ орудій, поставленныхъ на противоположномъ концу моста и подъ градомъ картечи и ружейныхъ пуль, пущенныхъ въ него изъ верхнихъ этажей домовъ. Многихъ, быть можетъ, этотъ дождь пуль заставилъ-бы отступить, но Тегорнъ, становившійся еще храбрѣе въ минуты опасности, еще болѣе воспламенился и достигъ напроломъ другого берега.

На другой день императоръ проѣзжалъ передъ фронтомъ бригады Тегарна, отъ которой осталось едва половина и обратился къ солдатамъ съ нѣсколькими словами, очевидно, желая узнать, не

деморолизованны ли они ужаснымъ урономъ который они потерпѣли. Когда онъ послѣ этого доѣхалъ до ихъ начальника, онъ сказалъ ему строго:

— Генераль, вы вчера совершенно необдуманно выступили въ бой: я не люблю бесполезныхъ геройствъ.

— Ваше Величество, возразилъ Теторнъ, это происходитъ оттого, что слава у меня бурлитъ также въ головѣ, какъ бутылка шампанскаго.

— Но, господинъ генераль, за то кровь, моихъ солдатъ не покупалъ за деньги, которые вы выбрасываете за окно, съ этою кровью многимъ можно было обращаться бережнѣе. Видите, что осталось отъ вашей бригады, едва половина.

— Въ этомъ случаѣ, Ваше Величество, ее еще довольно на одинъ разъ.

— Вотъ чертъ рыжій, выругался Наполеонъ, полный негодованія и удивленія передъ этимъ циническомъ отвѣтомъ.

КОРОЛЬ И ЦИРЮЛЬНИКЪ.

— Если городъ не одастся въ теченіе трехъ дней, сказалъ Наполеонъ губернатору Севильи, я его выбрѣю на чисто.

Этого вы не сдѣлаете, отвѣтилъ испанскій генераль.

— Почему-же нѣтъ.

Потому что вы не промѣняете своего титула